

УДК 82.091

DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-4-108-128

### В.М. Жирмунский-фольклорист: возникновение и развитие методов сравнительно-исторической типологии

Анна И. Ковалевская

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы  
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия,  
lavokynna@gmail.com*

*Аннотация.* В настоящей статье мы рассмотрим основные этапы формирования методов сравнительно-исторической типологии, первые шаги в разработке которых были сделаны еще во второй половине XIX в. А.Н. Веселовским. Так, выдвинутое в «Исторической поэтике» положение о последовательной эволюции жанров и поэтических форм, которые отражают общественную действительность, стало отправной точкой для последующего развития этого метода.

Работу в этом направлении продолжил В.М. Жирмунский, который в начале своего научного пути занимался вопросами теории литературы и, высоко оценивая «Историческую поэтику», продолжил работу Веселовского в области литературоведения. Однако, обратившись к фольклорному материалу, он сумел выработать основные принципы сравнительно-исторического метода: ученый в первую очередь проанализировал и систематизировал обширный эпический материал, что позволило ему выявить наличие в произведении *национального* и *общего*, для успешного поиска и анализа которых и необходим был этот метод.

Мы проанализируем труды Жирмунского, в которых содержатся его основные положения, поговорим о том, как ученый предлагал работать с фольклорным материалом, об особенностях сравнительно-типологического метода, а также о развитии идей Жирмунского в работах его учеников, последователей и ученых, пришедших к схожему результату самостоятельно (например, В.Я. Пропп) и повлиявших на дальнейшее уточнение методов сравнительной типологии.

*Ключевые слова:* Жирмунский, сравнительно-типологический метод, сравнительно-исторический метод, компаративистика

---

© Ковалевская А.И., 2020

*Для цитирования:* Ковалевская А.И. В.М. Жирмунский-фольклорист: возникновение и развитие методов сравнительно-исторической типологии // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3. № 4. С. 108–128. DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-4-108-128

## V.M. Zhirmunsky as a folklorist. Origin and development of the comparative historical typology methods

Anna I. Kovalevskaya

*Russian Presidential Academy of National Economy  
and Public Administration, Moscow, Russia, lavokynna@gmail.com*

*Abstract.* The article considers the main stages in formation of the method for the comparative historical typology the first steps of which were made by A.N. Veselovsky in the second half of the 19<sup>th</sup> century. For example, the point elaborated upon in “Historical Poetics” concerning consequential evolution of genres and poetic forms that reflect social reality became the starting point for the further development of that method.

Work in this direction was continued later on by V.M. Zhirmunsky. At the beginning of his career in academia he dwelled upon the issues of literary theory and – while keeping “Historical Poetics” in high regard – continued Veselovsky’s work in the field of literary studies. However, turning to folklore material, he managed to develop the basic principles of the comparative historical method: first of all, he had analysed and systematised the extensive epic material, what allowed him to reveal in the folklore work the national and the general, for the successful search and analysis of which the method was necessary.

The author analysis of the works of Zhirmunsky, that contain his main ideas, and considers not only his suggestions on how to work with folk material, and also the features of the comparative typological method, as well as the development of Zhirmunsky’s ideas in the works of his students, followers and scientists who came to a similar result on their own (for example, V.Ya. Propp) and influenced further refinement of the methods of comparative typology.

*Keywords:* Zhirmunsky, comparative typological method, comparative historical method, comparative studies

*For citation:* Kovalevskaya, A.I. (2020), “V.M. Zhirmunsky as a folklorist. Origin and development of the comparative historical typology methods”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 3, no. 4, pp. 108–128, DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-4-108-128

*Истоки возникновения  
сравнительно-типологического метода*

В 50–70-х гг. XIX в. в Европе возникло новое научное направление – теория заимствования (или миграций, бродячих сюжетов). Представители этого направления считали, что сходство фольклорного материала различных народов, не всегда родственных друг другу, возникло посредством заимствования – прямого или косвенного – либо путем распространения из одного или нескольких очагов. Тем самым исследователи ставили вопрос о культурно-исторических связях народов, привлекая обширнейший сравнительный материал.

Основоположником школы заимствования на Западе стал немецкий востоковед Теодор Бенфей (1809–1881), издавший в 1859 г. «Панчатантру» – собрание индийских сказок и притч, в предисловии к которому проследил заимствования индийских сюжетов в большом количестве фольклорных традиций других народов и тем самым провозгласил Индию родиной сказок.

Теория заимствования стала необычайно популярной и приобрела многочисленных последователей по всему миру, в том числе и в России. Тем не менее можно говорить о том, что русская наука пришла к этой теории вполне самостоятельно. Так, В.Г. Белинский в статье «О народных сказках» (1844) подметил различия сказок восточного и западного происхождения; А.Н. Пыпин в «Очерке литературной истории старинных повестей и сказок русских» (1857) выявил обширные связи русской культуры с Востоком и Западом; наконец, В.В. Стасов в статье «Происхождение русских былин» (1868) выдвигает гипотезу о том, что сюжеты былин и образы богатырей имеют восточное происхождение. Это поставило под сомнение уровень самобытности русской культуры, что продемонстрировало слабые стороны теории заимствования в целом и соответственно вызвало большой резонанс в исследовательской среде того времени. Таким образом, обнаружилось, что самостоятельно существовать эта теория не может и должна помимо всего прочего учитывать национальный и исторический контекст.

Именно в этом направлении продолжил работать представитель *молодой* филологической школы А.Н. Веселовский (1838–1906), который считал причиной заимствований типологический универсализм мирового культурного развития. Он сформулировал положение о *встречных течениях*, которые обнаруживаются по причине схожести *основ* в произведениях различных народов: «заимствование предполагает в воспринимающем не пустое место, а “встречные течения”, сходное направление мышления, аналогич-

ческие образы фантазии. Теория “заимствования” вызывает, таким образом, теорию “основ”, и обратно»<sup>1</sup>.

Веселовский наглядно показывает всю обширность связей русского фольклора и литературы в сравнении с восточными и западными образцами в своих трудах<sup>2</sup>, основой методологии которых послужил сравнительный анализ. Этим методом уже успешно пользовалась мифологическая школа<sup>3</sup>, но для Веселовского было важным объяснить то или иное явление в соответствии с реальным временем, в котором это явление существует.

Помимо этого, Веселовского также интересовали проблемы генезиса и распространения фольклора, работа над которыми в результате вылилась в труд под названием «Историческая поэтика». Основная тема этого труда – развитие поэтического сознания и его формы: «поэтическое сознание он мыслит не имманентным, не оторванным от реального бытия, но в тесной связи со всей культурой и общественной жизнью» [Азадовский 2014, с. 851].

Под исторической поэтикой ученый понимал *историю общественной мысли в образно-поэтическом переживании и выражающих его формах*. Таким образом, бессистемность истории литературы должна была преобразоваться в стройную обобщающую схему, в которой отразились бы объективные процессы развития содержания и формы.

Собственно для дальнейшего развития методов русской компаративистской школы важным является тезис Веселовского о том, что в последовательной эволюции жанров и в истории поэтических форм отражается общественная действительность. Важной для последующего развития идей также могла бы послужить третья часть «Исторической поэтики». Вот что по этому поводу пишет М.К. Азадовский:

Третья часть «Исторической поэтики» – поэтика сюжетов <...> должна была проследить историю жизни сюжетов, их возникновение в условиях первобытного коллектива, их дальнейшее распространение, их популярность, закономерность в обращении к ним, отрицание

---

<sup>1</sup> Веселовский А.Н. Разыскания в области русских духовных стихов. Вып. 5. Ч. 11–17. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1889. С. 115.

<sup>2</sup> Например, «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине» (1872), «Разыскания в области русского духовного стиха» (1880–1891), «Из истории романа и повести» (1886–1888) и др.

<sup>3</sup> Считается, что сам термин «сравнительная мифология» был введен немецким филологом Ф.М. Мюллером (1823–1900); представителями мифологической школы в России были Ф.И. Буслаев (1818–1897), А.Н. Афанасьев (1826–1871) и др.

и забвение одних сюжетов и вырождение других и т. д. Он стремился установить «внутреннюю связь между сюжетом и течением идей». На этой основе должна была определиться и новая задача истории литературы: «определить роль и границы предания в процессе личного творчества». Исходным пунктом «поэтики сюжетов» явилось для Веселовского установленное им <...> разделение «сюжетов» и «мотивов», которое дало возможность ввести исторический принцип в исследования о заимствовании, наметив различные стадии процесса. Оно же должно было дать возможность установить путь от возникновения отдельных первичных образных единиц к созданию целостных сюжетов и их сцеплений [Азадовский 2014, с. 862].

К сожалению, замысел «Исторической поэтики» не был полностью реализован: Веселовский написал три главы, в которых исследовал проблему происхождения поэзии и ее родов, поэтику сюжетов и происхождение образных средств, создающих поэтический стиль. Тем не менее благодаря его работам был сделан значительный шаг в сравнительном изучении фольклорных и литературных произведений.

Работу в этом направлении продолжил В.М. Жирмунский, о чем мы поговорим ниже, но прежде необходимо сказать несколько слов о другом направлении школы заимствования, которое, правда, не приобрело большого числа последователей в России. Речь идет о формалистическом направлении, применяющем историко-географический метод. Его основателем стал финский ученый Ю. Крон (1835–1888), поэтому иногда данное течение называют также *финской школой*. Представители этой школы стояли на позициях компаративизма и считали заимствование основным фактором в жизни фольклорного произведения.

Основная задача подобного исследования – определение родины каждого сказания, для чего сначала необходимо установить его первичный вид, разложив на элементарные мотивы. Для этой цели необходимо максимально кропотливо изучить количественное и географическое распространение вариантов. Проанализировав праформу сюжета, исследователь теоретически может определить страну и период возникновения данного сюжета и проследить пути его распространения. Однако фактически история фольклорного произведения (чаще всего сказки) понималась, как уже было отмечено, формалистически: разнообразные изменения сводились лишь к внешним причинам или фактам влияния, без учета целостной жизни самого произведения по отношению к среде, в которой оно существовало.

Таким образом, можно сказать, что финская школа имеет дело не с живым народным творчеством, а с искусственными схемами,

отсюда и ограничение исследования исключительно сюжетными схемами и полное равнодушие к живым деталям повествования и действительно важным генетическим проблемам.

*Разработка методов  
сравнительно-исторической типологии*

Итак, продолжателем идей А.Н. Веселовского стал В.М. Жирмунский (1891–1971) – представитель петербургской филологической школы, который в начале своего пути занимался изучением немецкого романтизма. Надо сказать, научная деятельность Жирмунского в целом отличается исключительной многогранностью и размахом: ученого интересовали теория литературы в целом, история литератур Запада и Востока, фольклор, этнография и языкознание. И весь свой опыт он так или иначе направил на развитие сравнительно-исторического метода изучения фольклора и литературы.

В начале своего пути Жирмунский по большей части занимался вопросами теории литературы, и именно в русле литературоведения он высоко ставил «Историческую поэтику» Веселовского, подчеркивая то, что она «постулирует идею единства и закономерности развития мировой литературы, обуславливаясь единством и закономерностью всего исторического развития в целом» [Веселовский 1940, с. 12]. Тем самым Жирмунский отмечал универсализм сравнительно-исторического метода Веселовского, который он в дальнейшем разрабатывал с привлечением в том числе и фольклорного материала.

С другой стороны, Жирмунский понимал слабые стороны концепции Веселовского, противопоставляющего *самозарождающиеся* мотивы и *мигрирующие* сюжеты (это исходит из представления о самостоятельности мотива в рамках сюжета), хотя и не отрицал возможности прямых влияний и наличия *бродячих сюжетов*<sup>4</sup>. По Жирмунскому, подобные случаи ограничены наличием благоприятных условий и социально-исторических процессов; значение также имеет жанровая форма, в которой сюжет распространяется, о чем мы еще скажем ниже.

Жирмунский понимает, что для разработки своей теории недостаточно привлечения лишь литературного материала, поэтому он обращается к народному творчеству, которое, по его мнению,

---

<sup>4</sup> Этой теме, например, посвящена его статья «“Пир Атрея” и родственные этнографические сюжеты в фольклоре и литературе» [Жирмунский 1979, с. 375–396].

«не только исходная ступень в историческом развитии всей мировой литературы, но живой источник художественно-совершенных образов, из которого неизменно черпала литература в периоды своего высшего расцвета и подлинно всенародного звучания» [Жирмунский 1948, с. 23].

Основная работа Жирмунского велась по изучению и анализу эпоса, который и послужил основным фундаментом для теоретических обобщений. Параллельно с работой над тюркским эпосом он также обращался к эпическим традициям народов Европы (например, к карело-финскому эпосу «Калевала»), благодаря чему сумел выявить близкие типологические аналогии с сюжетами тюркских и монгольских *богатырских сказок*, которые, возможно, имели древнюю генетическую общность [Жирмунский 1962, с. 353].

В результате подобной работы вышла обобщающая статья под названием «Литературные отношения Запада и Востока как проблема сравнительного литературоведения» (1946) [Жирмунский 1979, с. 18–45], затем – несколько статей, в которых анализировался узбекский и киргизский эпос (1947 и 1948 гг. соответственно) [Жирмунский 1947; Жирмунский 1974, с. 23–116], и, наконец, в 1958 г. на Всемирном конгрессе славистов в Москве Жирмунский представил обширное исследование «Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса» [Жирмунский 1979, с. 192–280], как бы подводящее итоги его кропотливой работы.

Доклад Жирмунского можно считать рубежом для историко-типологической теории. Ученый систематизировал и проанализировал обширный эпический материал из области славянского фольклора и пришел к следующим выводам: с одной стороны, эпические произведения обладают национальным своеобразием, отражающим особенности истории, быта, культуры данного народа, а с другой – эпос характеризуется общими закономерностями исторического развития. Таким образом, для успешного поиска и анализа *национального* и *общего* в эпическом произведении и необходимо сравнительно-историческое изучение всех вариантов и версий эпоса.

В результате проделанной работы Жирмунский выработал свои принципы сравнительно-исторической типологии, выделив четыре основные задачи, смешение которых, по его мнению, и приводит к ошибкам [Жирмунский 1979, с. 194]:

1. Простое сопоставление литературных явлений, представляющее основу любого более углубленного сравнительно-исторического рассмотрения (если речь идет о сопоставлении в случаях синхронного анализа при отсутствии историко-генетических связей между сравниваемыми явлениями либо без учета этих связей).



2. Историко-типологическое сравнение, объясняющее генетическое сходство явлений, не связанных между собою сходными условиями общественного развития.

3. Историко-генетическое сравнение, рассматривающее сходные явления как результат их генетического родства и последующих исторически обусловленных расхождений.

4. Сравнение, устанавливающее генетические связи между явлениями на основе культурных взаимодействий, *влияний* или *заимствований*, обусловленных исторической близостью данных народов и предпосылками их общественного развития.

Чем же еще примечателен подход Жирмунского к разработке методов сравнительно-исторической типологии?

Во-первых, как уже отмечалось, важен и плодотворен сам подход ученого к материалу: он не только рассмотрел сложнейшие проблемы эпоса, но и проанализировал их в тесной связи с историей и бытом народа, что зачастую упускали в своих исследованиях, например, представители миграционной школы.

Во-вторых, до этого не всегда учитывалось соотношение *национального – общего*, что соответственно приводило к ошибкам тех же миграционистов. Характерным примером в данном случае может послужить анализ не только эпоса, но и сказки: «...исследователи национальной сказки, не учитывая международного характера многих сказочных сюжетов, часто принимали за черты специфически национальные то, что на самом деле является международным сказочным достоянием. Между тем именно сравнительное изучение различных национальных версий того или иного международного сказочного сюжета позволяет наиболее наглядным образом установить своеобразие каждой из них и то специфическое национальное содержание <...> которое наполняет и видоизменяет <...> традиционную международную сюжетную схему и делает сказку культурным достоянием именно этого народа» [Жирмунский 1979, с. 339].

Наконец, применительно к изучению непосредственно эпоса Жирмунский поднимает вопрос о значении *меры историзма* – это важная проблема теории эпоса, решению которой в первую очередь послужило эпическое творчество народов Средней Азии.

В самой общей форме точку зрения ученого можно выразить положением о том, что историческая действительность проявляется в эпосе в характерных обобщенных образах, которые воспринимаются как нечто истинное, несмотря на эпическую идеализацию: «...мера и характер идеализации исторической действительности в народном сознании, превращения исторического предания в художественный фольклор могут быть весьма



различны и определяются конкретными национальными условиями сложения эпоса» [Жирмунский 1974, с. 393].

Так, Жирмунский отказывается от ранее принятой гипотезы о происхождении «Манаса» как отражении многовековой борьбы енисейских киргизов с уйгурами – представление в духе «исторической школы», показывая вместе с тем, что более поздние ногайские сказания обладают большей исторической достоверностью, что является одним из редких случаев формирования сюжета по следам исторических событий.

### *Особенности нового метода*

Доклад на конгрессе славистов вызвал живую дискуссию в научной среде, а методы, предложенные Жирмунским, снискали ему как сторонников, так и противников. Поэтому последующая работа Жирмунского – например, фундаментальное исследование тюркского эпоса «Алпамыш» (1960) [Жирмунский 1974, с. 117–348] – наглядно проиллюстрировала успешность его метода и как следствие представила глубокие выводы. Так, ученый вновь обратился к международным сюжетам, например к сюжету «Муж на свадьбе своей жены», который рассмотрел в различных вариациях и сопоставил с прочими версиями, что привело его к обнаружению генетической связи «Алпамыша» и «Одиссеи» и позволило ему выдвинуть убедительную гипотезу о том, что оба произведения, вероятно, имели общий источник – *восточный* вариант сказочного сюжета, существовавший по крайней мере уже к VII в. до н. э. Эта часть исследования имеет принципиальное значение для изучения не только частных проблем эпосоведения, но и взаимодействия фольклора разных народов в целом.

С течением времени стало понятно, что подобное сравнительное историко-типологическое изучение предлагает по-новому не просто объяснить факты повторяемости в фольклоре, но в первую очередь помочь «подлинно научному построению <...> истории фольклора в целом как специфической области человеческого искусства» [Путилов 1972, с. 57].

До исследований Жирмунского под сравнительным методом в фольклористике, как и в литературоведении в целом, понимали изучение так называемых *влияний* и *заимствований*. Однако подобное формальное сопоставление фактов фольклора на основе чисто внешнего сходства, объяснение любого соответствия влиянием без учета предпосылок в социальном и историческом развитии и ранее вызывало вполне обоснованное недоверие к сравнительному методу.

По мнению Жирмунского, простое сопоставление (т. е. установление сходств и различий между историческими явлениями) является методическим приемом, который может применяться с разными целями и в рамках разных методов и который необходим для любой исследовательской работы в области исторических наук.

Далее, историко-генетическое сравнение в большей степени используется в историческом языкознании, однако опыт Жирмунского в этой области позволил применить его и в работе с фольклорными текстами. Для этого метода важно количество записанных вариантов из разных географических районов, а также от исполнителей разных сказительских школ – это, по мнению ученого, крайне важная задача при собирании фольклора. В этом смысле он находил положительным опыт историко-географической школы<sup>5</sup>.

С другой стороны, необходимо помнить, что в устной традиции каждое новое воспроизведение того же текста является новотворчеством, следовательно, каждый новый записанный вариант является в полной мере отражением устной традиции, особенно если речь идет о *национальной версии* эпического сказания, сказки и т. п.

На фоне общей устной традиции каждая такая версия имеет свое самобытное национальное лицо, отражающее сложившийся социальный уклад, историю, психологию, общественные идеалы создавшего ее народа и национальные особенности художественного произведения [Жирмунский 1979, с. 186].

Таким образом, подобное сопоставление также дает возможность более глубокого объяснения некоторых особенных национальных элементов.

Наконец, историко-типологическому сравнению Жирмунский отводит основную роль в сравнительно-историческом изучении фольклора, предпосылкой которого являются единство и закономерность процесса социально-исторического развития. На одинаковых ступенях развития общества мы можем обнаружить аналогии и в социально-культурных процессах, к которым Жирмунский относит основные мотивы и сюжеты, обнаруживающиеся у различных народов, как то: чудесное рождение, детские подвиги, добыча невесты и т. п. В данном случае он не согласен с Веселовским, который считал, что более сложные сюжетные

---

<sup>5</sup> Однако в остальном Жирмунский подвергал финскую школу критике, указывая на то, что ее представители ограничивались лишь формальным описанием и механическим сопоставлением сюжетных схем, что делало их выводы, опиравшиеся таким образом на неполные и случайные рассуждения, крайне недостоверными.

конструкции являются результатом заимствования, полагая, что развитие сюжета и последовательность составляющих его мотивов имеют свою внутреннюю логику, «отражающую закономерности и связи объективной действительности и в то же время обусловленную особенностями человеческого сознания, отражающего эту действительность» [Жирмунский 1979, с. 187]. С другой стороны, ученый подчеркивает, что область историко-типологических соответствий не ограничивается исключительно сюжетами и мотивами, но включает в себя все стороны художественного стиля, образности и жанровой структуры фольклорного произведения.

Интересное замечание относительно историко-типологического метода (или, как он называет его, *историко-сравнительного*) делает Б.Н. Путилов: отмечая, что этот метод в большей степени применяется для изучения этнографических проблем, он говорит о том, что фольклор интересует отдельная *единица* (один текст, один сюжет, один образ). В этом случае типологическая классификация важна не только для понимания общей картины, но в первую очередь для понимания и оценки отдельного факта. Историко-типологическое изучение не предполагает схематизацию или стандартизацию *живого материала* (ср. метод историко-географической школы), но именно изучает *живые процессы*, поэтому необходимо обращать внимание на особенности: «вне “отдельного” нет настоящей исторической типологии» [Путилов 1976, с. 26].

Следующим недостатком исследований Веселовского (как и других современных ему фольклористов) Жирмунский считает чрезмерную архаизацию фольклора и игнорирование его социального содержания. При этом фольклор рассматривается исключительно как этнографический материал, без учета его художественного своеобразия. Однако это также является важной проблемой в изучении фольклорного материала: как изменения и развитие общественной действительности влияют и на содержание произведений, и на их образы. Жирмунский считает, что «общие закономерности этого развития должны быть положены в основу объяснений закономерного характера историко-типологических особенностей в развитии фольклора у разных народов» [Жирмунский 1979, с. 188].

При этом типологическое сходство не снимает вопроса о международных взаимодействиях, более того, именно подобное сходство является предпосылкой к заимствованиям. Проблема заключается лишь в том, что компаративисты старой школы преувеличивали масштабы этих взаимодействий, принимая любые типологические параллели как заимствования. Жирмунский предлагает рассматривать подобные *заимствования* (влияния) как историческую категорию, которая, следовательно, должна

рассматриваться в определенных исторических условиях в момент культурного взаимодействия народов.

В связи с этим важен тезис Жирмунского о том, что в зависимости от ступени исторического развития и самого жанра степень проницаемости для международных влияний будет различаться. Так, по мнению ученого, сказочные сюжеты имеют международный характер, однако вопрос о времени и месте сложения каждого сюжета, путях и границах его распространения и т. п. все еще открыт. Не менее важны вопросы о том, какая часть сказочного репертуара того или иного народа является международной, а какая – локальной, где мы обнаруживаем тождественность вариантов сюжета, а где – лишь отдаленное сюжетное сходство, наконец, как, собственно, происходит переработка сюжета, изменяющая и наполняющая традиционную сюжетную схему в соответствии с социокультурными особенностями того или иного народа.

Подобной проницаемостью для международных влияний преимущественно обладают сказка и баллада, а вот героический эпос, напротив, отличается малой проницаемостью, поскольку представляет собой идеализацию исторического прошлого конкретного народа. Жирмунский считает, что попытки установить зависимость между эпосами различных народов (характерные и для историко-географической, и для исторической школ, и для Веселовского, который считал эпос международным) были довольно произвольны и неточны, а сама эта зависимость – неверно воспринята как генетическая связь или заимствование, в то время как это было именно историко-типологическое сходство. И тезис Жирмунского о том, что «черты сходства между героическим эпосом разных народов имеют почти всегда типологический характер» [Жирмунский 1979, с. 282], который сейчас кажется абсолютно обоснованным, вызвал невероятный резонанс в научном сообществе в 1958 г. И, стало быть, мы должны говорить не о международном, а о *межплеменном* характере эпоса: например, так обстояло дело с распространением эпического сказания об Алпамыше среди некогда кочевых тюркоязычных племен и народов Средней Азии.

Сравнительно-историческое изучение выводит фольклористику из замкнутого и узкого круга местных проблем в область более широких общих закономерностей и аналогий исторического и литературного развития и культурных взаимодействий между народами, обогащая и углубляя в конечном счете и самое изучение национально-исторической специфики народного творчества [Жирмунский 1979, с. 191].

И исходя из всего вышесказанного, основная задача сравнительно-исторического исследования заключается именно в выяснении особенностей *национального* на основе *международного*.

*Последователи В.М. Жирмунского*

Несмотря на то что доклад Жирмунского на конгрессе славистов фактически подорвал принципы традиционной школы заимствования, ее сторонники тем не менее пытались защитить свои позиции. Однако в большинстве своем исследование ученого изменило подход к изучению фольклора, предопределило русло, в котором продолжились исследования ближайших десятилетий, и дало толчок к дальнейшему развитию предложенных Жирмунским методов.

Одним из основных преемников идей и методов Жирмунского как в области изучения эпоса, так и в развитии методов сравнительно-исторической типологии можно считать Б.Н. Путилова (1919–1997). Чтобы стал очевидным круг интересов ученого в области сравнительной типологии, перечислим лишь некоторые из его работ в области эпосоведения: «Русский и южнославянский героический эпос: Сравнительно-типологическое исследование» (1971), «Героический эпос черногорцев» (1982), «Героический эпос и действительность» (1988). Одна из основных его работ – «Методология сравнительно-исторического изучения фольклора» (1976) – конкретизирует и развивает методы, предложенные Жирмунским, поэтому остановимся на этой работе подробнее.

Одна из проблем, по мнению Путилова, состоит в необходимости разработать само понятие *типология* и его применение к фольклору и установить его границы. Сам ученый определяет типологию как «закономерную, обусловленную рядом объективных факторов повторяемость в природе и обществе, которая обнаруживает себя в предметах и явлениях, в свойствах и отношениях, в элементах и структурах, в процессах и состояниях» [Путилов 1976, с. 9], т. е. мы можем говорить о типологии образа, мотива, сюжета, жанра и т. п., всегда имея дело с типологией исторической, меняющейся и проявляющей себя в динамике. И поэтому любое явление фольклора всегда следует ставить «в определенный историко-типологический ряд, прослеживая как преемственность, так и перспективу его развития» [Путилов 1976, с. 58].

Другая проблема, требующая специального изучения, – это типологическая преемственность, «когда следы предыстории жанра обнаруживаются в фольклоре другого народа» [Путилов 1976, с. 57]. Собственно проблема заключается не в самом выявлении этих *следов*, но в объяснении соответствующих фактов реальной истории фольклора.

По мнению Путилова, в основе представлений о типологической преемственности лежат общие идеи, связанные как с осознанием закономерностей развития общества, его культуры и исто-

рии, так и с пониманием особенностей развития самого фольклора. И тут мы обнаруживаем отдельную проблему, которая заключается именно во взаимодействии историко-типологических, генетических и контактных связей: если доказано общее происхождение какого-либо фольклорного явления или, скажем, наличие заимствования, то вопрос о типологии снимается сам собой. Основания для подобного подхода дал Жирмунский, но, как мы видим, Путилов не вполне с этим согласен. На самом деле, считает ученый, нельзя в полной мере принять эти связи как альтернативные: генетические связи порождаются историческими событиями, следовательно, могут появляться, прерываться, исчезать; контактные связи носят локальный характер. И только историко-типологические связи действуют на протяжении всего процесса и носят непрерывный характер, а значит, являются определяющим видом связи, который и необходимо изучать в первую очередь:

Они обуславливают границы, возможности, интенсивность проявления в отдельных сферах фольклора связей генетических и контактных. <...> Любые фольклорные явления, относительно которых установлено, что они связаны генетической общностью или заимствованием, в своем историческом развитии подчиняются типологическим закономерностям <...> для современной фольклористики наиболее плодотворным является понимание типологических связей как связей историко-типологических [Путилов 1976, с. 15–16].

Типология фольклора имеет дело с процессами диахронии, с процессами динамическими, поэтому необходим другой подход к выбору материала для сравнения и к его методике: «...сравнению подлежат не просто отдельные, внешне сходные явления, но системы и их элементы» [Путилов 1976, с. 19], а сама историко-типологическая теория в первую очередь ищет не сходство, а как бы *сдвинутое сходство*, рассматривая его как проявление живого исторического и фольклорного процесса.

В середине 1970-х гг. (когда была написана «Методология») наука, по мнению Путилова, сталкивается с новыми требующими объяснения явлениями. И к тому моменту такая задача, как исследование исторического развития фольклора как закономерного процесса, встает перед ней недавно: «...сравнительное историко-типологическое изучение должно способствовать познанию этих законов повторяемости в фольклоре, закономерностей фольклорного процесса в целом и в его конкретных исторических проявлениях» [Путилов 1972, с. 59].

В какой-то мере историко-типологический подход использовал Д.К. Зеленин (1878–1954) в области стадияльного изучения

общества. Так, в исследовании индоевропейских культов поклонения деревьям и прочих поверий, связанных с деревьями, ученый указывает на то, что «крупные европейские ученые, как Джемс Фрэнсис, В. Маннгардт и многие другие <...> не раскрыли всего обряда в целом, так как начинали изучение обряда не с начала, а с середины – с развитого анимизма. <...> пока мы это первичное, зародышевое ядро, к которому восходит современный обычай, не выясним, до тех пор обычай останется неясным» [Зеленин 1937, с. 75].

И хотя ему, по мнению Путилова, было свойственно «гипертрофирование прямых этнографических связей и отражений в фольклоре» [Путилов 1976, с. 52], тем не менее продуктивность его подхода к изучению фольклора не вызывает сомнений.

Другой интересный пример представляют собой работы А.И. Никифорова (1893–1942).

Никифоров в первую очередь изучал сказку и начинал свои научные изыскания в духе историко-географической школы, например, занимался статистическими подсчетами количества сказочников, количества и процентного соотношения тех или иных сюжетов, жанров и т. п., хотя понимал, что помимо самого текста важны также форма его исполнения и социальная функция. Через некоторое время взгляды ученого меняются, так, в исследовании одного сюжета – «Победитель змея» (1936) – его также начинают интересовать «подвижность и сцепляемость разных эпизодов разных сказок между собою. <...> разница художественных стилей, художественной манеры»<sup>6</sup>.

В статье «Чукотский сказочник и русская сказка. Этюд из истории чукотско-русской сказки» (1937) Никифоров приходит к неожиданному (и противоположному для его предшественников) выводу о том, что тот или иной народ, находящийся на исторической стадии, отличной от стадии другого народа, будет отторгать инородный фольклор, несмотря на возможные территориальные, культурные и экономические контакты. На примере чукотской сказки Никифоров продолжает изучение разностадийных нарративов, проводя их сопоставительный анализ. Он также изучает чукотский материал на фоне традиционной европейской сказки и рассматривает социально-бытовые и мировоззренческие особенности чукотского общества, что приводит его к выводам о закономерной тенденции к подчинению ассимиляционным законам [Никифоров 1937], что, в свою очередь, говорит не о прямом заимствовании, несмотря на территориальный и культурно-эконо-

---

<sup>6</sup> Победитель змея. Из севернорусских сказок: 15 сказок в записи А.И. Никифорова. М.: ОГИ, 2009. С. 25–26.



мический контакт, а об историко-типологической преемственности в развитии структуры сказки. Таким образом, можно говорить о том, что внимание ученого переносится с проблем заимствования и миграции на проблемы генетические.

Наконец, нельзя не упомянуть также еще об одном представителе петербургской филологической школы и современнике Жирмунского – В.Я. Проппе (1895–1970). Его ни в коей мере нельзя считать ни учеником, ни последователем Жирмунского – он разрабатывал свой подход самостоятельно, – однако он в том числе занимался и изучением эпоса, применяя методы сравнительно-исторической типологии. Начав изучать совокупность закономерностей, действующих в фольклорном творчестве, Пропп обращается к сравнительно-типологическому методу, чтобы разрешить возникшие генетические и исторические проблемы. Эти изыскания в результате реализовались в работе «Русский героический эпос» (1955), где ученый, в частности, утверждает, что композиционная структура оказывается единой для всего эпоса, но изменяется в зависимости от историко-культурного фона того или иного народа, что, несомненно, соотносится с выводами Жирмунского.

Основная же заслуга Проппа – это разработка методов структурно-типологического анализа фольклорных произведений, первым этапом которой стала «Морфология сказки» (1928). Основной задачей ученого стало выявление общих закономерностей, определяющих происхождение и развитие жанра и воспроизводимость фольклорных фактов:

Все вопросы сказочного изучения в итоге должны привести к разрешению важнейшей, до сих пор не разрешенной проблемы – проблемы сходства сказок по всему земному шару. <...> Но общий вопрос: откуда происходит сказка – в целом не разрешен, хотя и здесь несомненно имеются законы зарождения и развития, которые еще ждут своей разработки [Пропп 2001, с. 19–20].

Выделив повторяющиеся постоянные элементы – функции действующего лица, Пропп таким образом положил начало структурно-типологическому изучению повествования, что оказало значительное влияние на развитие последующих структуралистских исследований различного рода текстов.

И в дальнейшем развитие методов сравнительной типологии все больше смещается в сторону структурализма; наиболее ярким представителем такого подхода является Е.М. Мелетинский (1918–2005) – продолжатель идей Веселовского и ученик Жирмунского. Мелетинский – разносторонний ученый, библиография которого насчитывает несколько десятков монографий

и статей, поэтому очень трудно описать все многообразие его взглядов в рамках небольшого обзора.

Основные труды Мелетинского посвящены сравнительно-историческому изучению фольклора. Ведущая линия, объединяющая обширный круг интересов ученого – исследователя мифа, средневекового романа, мифологизма в прозе XX в. и т. д., – это историческая поэтика повествовательных форм и проблемы происхождения повествовательных жанров, для анализа которых он привлекал огромное количество сравнительного материала (начиная с самых ранних форм и вплоть до новейшей литературы). И отдельный интерес среди этого многообразия материала для него представляло изучение эпических памятников (нартского, карело-финского, тюркского).

Подробный анализ устного или книжного текста он рассматривал как этап на пути к пониманию общих историко-поэтических закономерностей развития повествовательных форм, основным инструментом которого для него стали сравнительно-типологический и структурно-семиотический методы. Собственно, обращение к последнему методу соответствовало одному из главных направлений в отечественных исследованиях; Мелетинский при этом совместил оба аспекта исследования – типологии исторической и структурной, – что было сформулировано в одноименной статье «Сравнительная типология фольклора: историческая и структурная» (1973).

Наконец, нельзя не упомянуть фундаментальный труд, объединивший многие отдельные исследования ученого, под названием «Поэтика мифа» (1976), в котором мифология рассматривается, начиная с ее наиболее архаических форм, вплоть до проявлений мифологизма в литературе XX в. И как в свое время доклад Жирмунского, эта монография также получила значительный международный отклик.

Упомянутые выше исследователи – наиболее крупные фигуры, развивавшие предложенные Жирмунским методы. Однако и этот небольшой круг показывает, что его методы и идеи действительно были необходимы науке того времени, во-первых, потому что ученые с очень разным кругом научных интересов тем не менее положительно восприняли методы сравнительно-исторического анализа и попытались применить его к своей сфере изучения. Во-вторых, это же доказывает и то, что некоторые из них самостоятельно пришли к схожим выводам (как, например, Пропп), т. е. историко-типологический подход к изучению фольклора «отчетливо определился, нашел методологическое обоснование и получил разностороннюю конкретную реализацию в советской фольклористике» [Путилов 1976, с. 54].

\* \* \*

Итак, сравнительное изучение фольклора прошло сложный и длительный путь, первые шаги которого в большей степени были сделаны А.Н. Веселовским. Его исследовательская работа и в первую очередь фундаментальная «Историческая поэтика» послужили началом движения в этом направлении, а для последующего развития сравнительно-исторического метода важным стало положение о последовательной эволюции жанров и поэтических форм, в которых отражается общественная действительность.

В.М. Жирмунский, начавший свой научный путь с изучения теории литературы, высоко оценивал «Историческую поэтику» и продолжал работу Веселовского в области литературоведения. Однако начав разрабатывать свою теорию, он вскоре понял, что ему не обойтись без привлечения фольклорного материала.

Основная работа Жирмунского велась по изучению и анализу эпоса, который и послужил ценным фундаментом для теоретических обобщений. Кстати сказать, его работа над эпосом велась по всем возможным направлениям: большую ценность представляют анализ тюркского эпического стиха, многочисленные наблюдения над формами бытования эпоса, соотношение традиционного и новаторского, а также изучение различных школ сказителей. Таким образом, Жирмунскому также удалось поднять теорию эпоса на новый уровень и стать одним из авторитетнейших специалистов в этой области.

Главная же его заслуга заключается в теоретическом подходе к изучению фольклора и выработке принципов сравнительно-исторической типологии:

Впервые в истории компаративизма [он] ввел чрезвычайно четкую дифференциацию видов сопоставительного изучения фольклорно-литературных памятников <...> [что] делает гибкой сравнительную методику и является необходимым условием для того, чтобы сравнительное изучение могло на следующей ступени анализа стать комплексным, синтетическим [Мелетинский 1973, с. 20].

По мнению самого Жирмунского, сравнительное изучение фольклорного произведения может быть продуктивным только в том случае, если четко различать историко-типологическое и генетическое сравнение (хотя в дальнейшем стало очевидным, что не стоит противопоставлять эти два метода), притом, что в предшествующих исследованиях, по его мнению, типологическое сравнение было представлено недостаточно широко.

С течением времени стало очевидным, что подобная сравнительно-историческая типология не просто предлагает по-новому объяснить факты повторяемости в фольклоре, но и помочь построению

истории фольклора в целом. Помимо всего прочего, новые методы позволили выявить несостоятельность предшествующих школ, как, например, механическое сопоставление сюжетов без их привязки к действительности, принятие любых малейших сходств за заимствование, чрезмерная архаизация фольклора и невнимание к его социальному содержанию, игнорирование степени проницаемости того или иного жанра для международных влияний и др. И несмотря на неоднозначное восприятие нового метода сравнительной типологии, теория приобрела множество последователей, а дальнейшая работа самого Жирмунского только подтверждала правильность его научного подхода.

Мы видим, что методы и идеи Жирмунского действительно были необходимы науке того времени, но нельзя сказать, что сам метод сопоставления был единым для разного времени и разных направлений (так, можно говорить о методе мифологической школы, миграционизма, исторической школы и т. п.). Сравнительное изучение фольклора прошло сложный и длительный путь, в котором прослеживаются преемственность, совершенствование методики и техники, расширение фактической базы и т. д.

*А компаративизм*, следовательно, в целом неотделим от более широкой совокупности методов, которые и формируются в рамках той или иной теории, отвечая ее направленности и пониманию природы фольклора.

С середины – конца XX в. интерес фольклористики перемещается скорее на методы структурной типологии, предполагающей выявление инвариантов жанров, сюжетов, мотивов, несмотря на то что исследования в рамках сравнительно-исторической типологии также продолжаются.

### *Литература*

- Азадовский 2014 – Азадовский М.К. История русской фольклористики. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. 1056 с.
- Веселовский 1940 – Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л.: Художественная литература, 1940. 648 с.
- Жирмунский 1947 – Жирмунский В.М. Узбекский народный героический эпос. М.: Гослитиздат, 1947. 520 с.
- Жирмунский 1948 – Жирмунский В.М. К вопросу о народном творчестве // Ученые записки Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена. Л., 1948. Вып. 67. С. 23–31.
- Жирмунский 1962 – Жирмунский В.М. Народный героический эпос: Сравнительно-исторические очерки. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1962. 435 с.

- Жирмунский 1974 – *Жирмунский В.М.* Избранные труды: Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 727 с.
- Жирмунский 1979 – *Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Л.: Наука, 1979. 493 с.
- Зеленин 1937 – *Зеленин Д.К.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937. 77 с.
- Мелетинский 1973 – *Мелетинский Е.М.* Сравнительная типология фольклора: историческая и структурная // *Philologica: Исследования по языку и литературе: памяти академика В. М. Жирмунского* / Под ред. Н.Н. Ярцевой. М.: Наука, 1973. С. 385–391.
- Никифоров 1937 – *Никифоров А.И.* Чукотский сказочник и русская сказка. Этюд из истории чукотско-русской сказки // *Памяти В.Г. Богораза (1865–1936): Сб. статей* / Под ред. И.И. Мещанинова. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937. С. 207–212.
- Пропп 2001 – *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
- Путилов 1972 – *Путилов Б.Н.* Методологические вопросы сравнительно-исторического изучения фольклора // *Вестник Академии наук СССР*. 1972. № 9. С. 55–59.
- Путилов 1976 – *Путилов Б.Н.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976. 244 с.

## References

- Azadovskii, M.K. (2014), *Istoriya russkoi fol'kloristiki* [History of Russian Folklore Studies], Institut russkoi tsivilizatsii, Moscow, Russia.
- Meletinskii, E.M. (1973), “Comparative typology of folklore (historical and structural)”, in Yartseva, N.N. (ed.), *Philologica. Issledovaniya po yazyku i literature (pamyati akademika V.M. Zhirmunskogo)* [Philologica. Studies in Language and Literature (in memory of the academician V.M. Zhirmunsky)], Nauka, Moscow, Russia, pp. 385–391.
- Nikiforov, A.I. (1937), “Chukchi Storyteller and the Russian Tale. A study on the history of Chukchi-Russian fairy tale”, in Meshchaninov, I.I. (ed.), *Pamyati V.G. Bogoraza (1865–1936): Sb. statei* [In memory of V.G. Bogoraz. Collection of articles], USSR Academy of Sciences Publishing House, Moscow; Leningrad, Russia, pp. 207–212.
- Propp, V.Ya. (2001), *Morfologiya volshebnoi skazki* [Morphology of the Folktale], Labirint, Moscow, Russia.
- Putilov, B.N. (1972), “Methodological issues of the comparative historical folklore studies”, *Vestnik Akademii nauk SSSR* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR], no. 9, pp. 55–59.
- Putilov, B.N. (1976), *Metodologiya sravnitel'no-istoricheskogo izucheniya fol'klora* [The Comparative Historical Folklore Studies' Methodology], Nauka, Leningrad, Russia.

- Veselovskii, A.N. (1940), *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics], Khudozhestvennaya literatura, Leningrad, Russia.
- Zelenin, D.K. (1937), *Totemy-derev'ya v skazaniyakh i obryadakh evropeiskikh narodov* [Tree Totems in the Legends and Rites of the European Peoples], USSR Academy of Sciences Publishing House, Moscow; Leningrad, Russia.
- Zhirmunskii, V.M. (1947), *Uzbekskii narodnyi geroicheskii epos* [Uzbek Folk Heroic Epic], Goslitizdat, Moscow, Russia.
- Zhirmunskii, V.M. (1948), "On the issue of the folk art", *Uchenye zapiski Leningradskogo pedinstituta im. A.I. Gertsena* [Scientific notes of the A.I. Herzen Leningrad Pedagogical Institute], vol. 67, pp. 23–31.
- Zhirmunskii, V.M. (1962), *Narodnyi geroicheskii epos: Sravnitel'no-istoricheskie ocherki* [Folk Heroic Epic: Comparative Historical Essays], State publishing house of art literature, Moscow, Leningrad, Russia.
- Zhirmunskii, V.M. (1974), *Izbrannye trudy. Tyurkskii geroicheskii epos* [Selected Works. Turkic Heroical epic], Nauka, Leningrad, Russia.
- Zhirmunskii, V.M. (1979), *Sravnitel'noe literaturovedenie: Vostok i Zapad* [Comparative Literary Studies: East and West], Nauka, Leningrad, Russia.

### Информация об авторе

Анна И. Ковалевская, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82; lavokynna@gmail.com

### Information about the author

Anna I. Kovalevskaya, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; lavokynna@gmail.com